

Смирнова Т.В.

Художник В.А. Комаровский – автор портретов о. Павла Флоренского

В 1921 году группа художников и писателей создала объединение «Искусство – жизнь», впоследствии получившее название «Маковец». Вот имена наиболее известных из них: писатели Борис Пастернак, Павел Антокольский, Николай Асеев, Велимир Хлебников, художники Николай Чернышев, Александр Шевченко, Николай Тырса, Раиса Флоренская. В это объединение входил и о. Павел Флоренский¹. В журнале «Маковец», издававшемся объединением (вышло два номера и был подготовлен третий) были опубликованы две статьи о. Павла по искусству. Он внимательно следил за деятельностью объединения: «Маковцу надлежит быть собирателем русской культуры, как был собирателем русской культуры, во всем ее объеме, основатель «Маковца» в XIV веке», – писал он, имея в виду преподобного Сергия Радонежского, основавшего монастырь на горе Маковец (ныне Троице-Сергиева лавра)². П.А. Флоренский обращался к Н.М. Чернышеву, заведующему художественным отделом журнала: «... считаю своим долгом обратить внимание «Маковца» на двух художников, шедших разными путями и пользующихся разными приемами. Вообще разных, но пришедших к единому истоку... Один из них Нина Яковлевна Ефимова ... Другой художник – это Владимир Алексеевич Комаровский, он идет от французов и от русской иконы, но в противоположность стилизаторам (Стеллецкому и прочим), он живет не красками, а той реальностью, для передачи которой ... (далее не разобрано в подлиннике – Т.С.). Это большой художник, с каждым месяцем делающий шаг вперед. Он ищет конкретного выражения в живописи самого сердца реальности и достиг успехов, которым трудно поверить, не видя его работ. Теперь моя мысль о необходимости пригласить этих двух в «Маковец», на выставку; это не только

количественно усилит «Маковец», придав ему большую плотность, но и произведет ряд толчков к самосознанию и более глубокому раскрытию»³.

Что же это за художник? Почему он заслужил столь высокую оценку П.А. Флоренского и почему его имя так мало известно? Где встретились П.А. Флоренский и В.А. Комаровский? Какова была судьба художника?

Он родился в 1883 году в семье, хранившей традиции старой дворянской культуры⁴. Его отец граф Алексей Егорович Комаровский был хранителем Оружейной палаты, и семья жила в Московском Кремле. По окончании гимназии В.А. Комаровский поступил на юридический факультет Петербургского университета – юридическое образование было тогда обычным для дворянской молодежи. Но Комаровский проучился только три года и, почувствовав тягу к занятиям живописью, поступил в Академию художеств. Но что-то его не удовлетворило в Академии, и он стал работать самостоятельно, а также учился во Франции в нескольких частных мастерских художников.

Во время занятий в университете Комаровский подружился с графом Юрием Александровичем Олсуфьевым, также студентом университета. Они дважды ездили в Италию для изучения памятников искусства. Дружеские отношения с Олсуфьевым сыграли большую роль в жизни Комаровского и в дальнейшем.

В 1910 году Комаровский впервые увидел только что раскрытые древние русские иконы. Освобожденные от слоев потемневшей олифы и поздних записей, они поразили художника красотой и духовным богатством. Он стал изучать законы построения иконы и технику иконописи.

Первый иконостас был создан им в имении графов Медем. Работа велась вместе с художником Д.С. Стеллецким, которого позже П.А. Флоренский в цитируемом выше письме назвал стилизатором. В это время Комаровский работал еще под большим влиянием Стеллецкого, по его прорисьям. И Олсуфьев этот иконостас раскритиковал⁵. Но, несмотря на критику, заказал Комаровскому иконы для строившегося храма-памятника

преподобному Сергию Радонежскому. Храм возводили по инициативе отца Ю.А. Олсуфьева на Куликовом поле, близ усадьбы Олсуфьевых Буйцы Тульской губернии. Архитектором был приглашен А.В. Щусев, академик, автор многих известных архитектурных сооружений.

Комаровский за два с лишним года работы над первым своим иконостасом многое понял, многому научился. Помогло и то, что он съездил в Петербург и копировал в Русском музее древние иконы. Посмотрел он во время той поездки и новую церковь в Царском Селе (Федоровский собор), иконостас которого был создан старообрядцами. Впоследствии Комаровский писал о старообрядцах: «В исключительных случаях, при особой одаренности они могут быть хорошими копиистами. Но, вооружившись их знаниями, даже при художественном вкусе и одаренности, нельзя не только написать икону, но и создать иконописное закономерное построение, а это должно быть единственной целью стремящегося к оживотворению иконописи. Икона, написанная хотя бы и со вкусом, но без творческого осознания законов иконописного тела, производит впечатление совсем обратное тому, какое она должна производить ... Как бы она ни походила на древнюю икону высокого стиля, она фальшива и тем более, чем более отдельные ее элементы походят на древние»⁶.

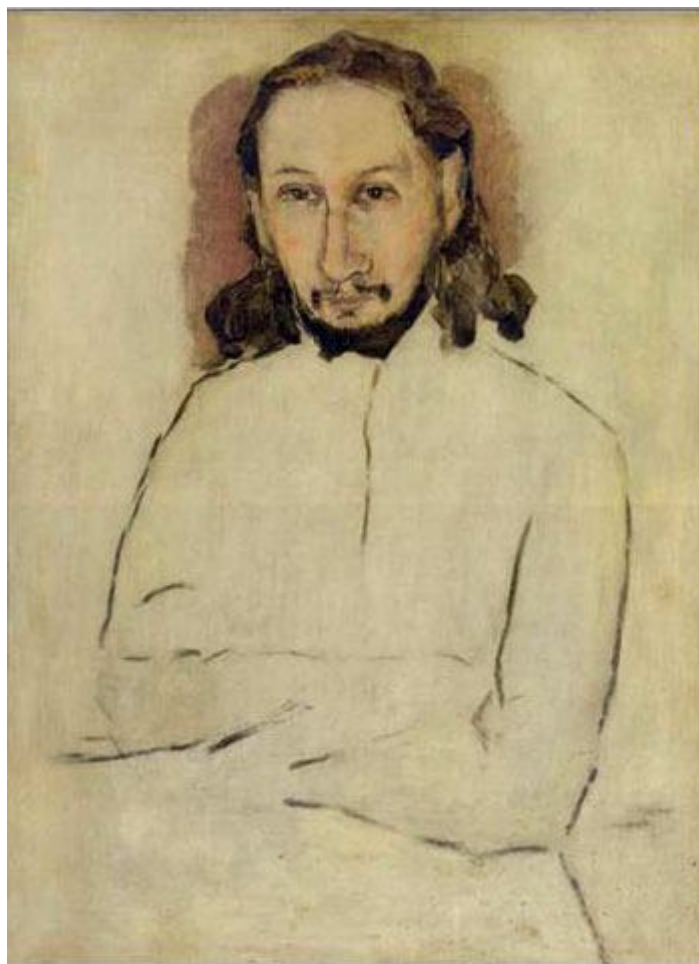
В 1913– 1914 гг. Комаровский и Стеллецкий создали иконостас для церкви на Куликовом поле, но каждый работал самостоятельно над своей частью. Олсуфьев был поражен красотой икон. Первая мировая война прервала работу. Внезапно умер старший брат художника поэт Василий Комаровский, заболел на фронте и скончался младший брат Юрий. Эти потери тяжело сказались на здоровье Владимира Комаровского. Поправившись, он написал последнюю икону для храма на Куликовом поле и уехал на кавказский фронт. Там он работал в Российском земском союзе по организации санитарных отрядов. А руководил Кавказским отделением Союза Олсуфьев. Вместе с В.А. Комаровским работал и его двоюродный брат Сергей Павлович Мансуров. Женаты братья были на сестрах Варваре и

Марии Самариных. На протяжении всей жизни эти семьи были близкими не только по родству, но и по духу.

После революции семья Комаровских поселилась в подмосковной самаринской усадьбе Измалково. Художник преподавал рисование в сельской школе, организованной во флигеле усадьбы. Но осенью 1923 года Комаровских из усадьбы выселили. И тогда они с тремя детьми переехали в Сергиев Посад (г. Сергиев). А Олсуфьев жил в этом городе с 1917 года, приехав по благословению старца Оптиной пустыни о. Анатолия (Потапова) «под покров Преподобного»⁷. В Посаде Олсуфьевы купили двухэтажный дом на Вальной улице. В 1917 году первый этаж они отдали Мансуровым. А когда приехали Комаровские, Мансуровы потеснились. Олсуфьев же самую светлую комнату на втором этаже предоставил В.А. Комаровскому под мастерскую.

Вл.А. Комаровский. Портрет о. Павла Флоренского. 1924

Вл. А. Комаровский. Портрет Павла Александровича Флоренского
1924

И Олсуфьев, и Мансуров работали в то время в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В нее был принят и Комаровский в качестве художника. Он делал акварельные зарисовки древнего шитья, писал виды Лавры и интерьеры XVIII века для архитектурного отдела музея. И в то же время создал несколько портретов П.А. Флоренского и портрет Ю.А. Олсуфьева. Сейчас два портрета о. Павла находятся в экспозиции Музея-квартиры священника Павла Флоренского в Москве. Один из них написан в иконописной манере. Он вызвал противоречивые суждения. На оборотной стороне приклеены списки тех, кто высоко оценил эту работу, и тех, кто отнесся к ней негативно⁸. У дочери художника Антонины Владимировны Комаровской есть альбом с несколькими карандашными набросками изображений о. Павла Флоренского, нигде до сих пор не опубликованными.

Но жизнь Комаровского в Сергиевом Посаде была непродолжительна. Его арестовали в апреле 1925 года. На допросе он на вопрос об отношении к советской власти ответил, что является монархистом по своим убеждениям, и был заключен в Бутырскую тюрьму. Позднее он пытался объяснить свою позицию: «... считая себя во время всей моей сознательной жизни монархистом,, я в то же время никогда не принимал никакого участия в общественной политической жизни, не принадлежал ни к каким монархическим обществам и союзам,... не служил на государственной и военной службе и лишь во время войны в 16 и начале 17-го года служил в Земском союзе помощи раненым. Вообще, будучи по призванию художником, никогда не интересовался общественной и политической жизнью. ... Я по-прежнему считаю, что монархия есть та форма государственного устройства, которая может соответствовать нравственному идеалу, однако даже идейно я не связываю себя ни с каким политическим направлением или группировкой»⁹.

Что тут можно сказать? На допросах одни, как Комаровский, не хотели скрывать своих убеждений, другие на вопрос об отношении к Советской власти (а вопрос ставился именно так) отвечали: «отношусь лояльно» и иногда на какое-то время избегали репрессий. Но того, кто раз попал в поле зрения ОГПУ в 1920-е годы, как правило, арестовывали снова в 1930-е, и обычно человек погибал в 1937–1938 годах. Так было и с Комаровским. Ведь его дело 1925 г. было сдано в архив только в 1941-м. И князя Владимира Сергеевича Трубецкого, отвечавшего, что относится к Советской власти «лояльно»¹⁰, и графа Комаровского, сказавшего еще при первом аресте в 1921 г., что «идеал монархии, как, по-моему, свойственный народу, должен восторжествовать»¹¹, ждал один конец.

Тогда, в 1925-м, многие пытались Комаровскому помочь. Коллективное письмо в его защиту подписали художники В.А. Фаворский, П.И. Нерадовский, И.С. Остроухов, Д.Ф. Богословский, скульптор Н.А. Андреев, академик архитектуры А.В. Щусев. Щусев послал и отдельное

письмо. Вступился за художника Музейный отдел Главнауки – письмо подписано зам. заведующего Главнаукой и зав. Музейным отделом Н.И. Троцкой¹².

Послали письмо и крестьяне, детей которых Комаровский учил рисованию в Измалковской школе. Трогательно видеть корявые подписи этих малограмотных людей.

Но все было напрасно. В деле записано, что Комаровский. «б. дворянин, граф, по полит. убеждениям монархист (о его собственному заявлению), обвиняется в антисоветской деятельности и в принадлежности к монархической группировке б. Аристократии». Его выслали на Урал, на три года.

Годы ссылки Комаровский провел в городе Ишиме. Все это время он был в беспокойстве за семью, оставшуюся в Сергиевом Посаде и не имевшую средств к существованию. Иногда ему удавалось найти работу: покрасить крышу или забор, сделать вывеску. Но органы госбезопасности бдительно следили, чтобы ссыльный не устроился на постоянное место. Так, в деле Комаровского есть письмо отдела ОГПУ в отдел «Хлебопродукта», предписывавшее отказать Комаровскому в принятии на службу под каким-либо предлогом¹³.

В деле подшиты и многочисленные донесения о разговорах, которые ссыльные вели между собой, протокол обыска и т.п.

Поддерживала Комаровского в эти годы вера. «Милая моя, дорогая, – писал он жене в Сергиев, – вся надежда на Бога и добрых людей, которых все-таки много»¹⁴. Он и в Ишиме создал несколько картин и портретов. Писал на фанере, в иконописном стиле. Присылал их по почте в Сергиев, но большинство не сохранилось.

Весной 1928 г. кончился срок высылки, однако вернуться в Сергиев было нельзя: в мае 1928 г. в городе прошли массовые аресты. Был арестован и о. Павел Флоренский¹⁵. Варвара Федоровна Комаровская избежала ареста случайно: в ночь, когда за ней пришли, она была в Москве. Успели уехать и

Олсуфьевы. Комаровским надо было искать новое место для житья. Они устроились в деревне неподалеку от Измалкова. Художник брался за любую работу: делал технические рисунки, чертежи. И вдруг получил заказ на роспись церкви Святой Софии в Москве. Священник этой церкви о. Александр Андреев был человеком необычным. В 1920-е годы он организовал столовую для нищих. Купил религиозные книги, привезенные из Оптиной пустыни в Москву на обертку, и открыл библиотеку. Вот он-то и пригласил Комаровского для росписи храма. Художник неделями не выходил из церкви, часто работал и ночью. И успел закончить роспись как раз перед арестом священника.

В конце 1933 г. арестовали старшего сына Комаровского Алексея, ему было 18 лет. Получил он три года лагерей. В январе 1934-го арестовали и самого Владимира Алексеевича вместе с группой лиц, обвинявшихся в «организации “Российской национальной партии” по образцу германской фашистской партии со штурмовыми отрядами и специальными молодежными организациями на предприятиях и в учреждениях»¹⁶. Не стоит удивляться формулировке. С января 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, ОГПУ раскручивало не одно дело подобного рода. В феврале 1933-го был арестован и о. Павел Флоренский «как идеолог и руководитель контрреволюционной националистической фашистской организации “Партия возрождения России”»¹⁷. А Комаровский тогда конкретно был обвинен в доносительстве: зная, что князь М.Ф. Оболенский собирался нелегально перейти границу, не сообщил об этом органам. Через три месяца заключения Комаровского в тот раз освободили.

В 1936 г. он успел выполнить еще один церковный заказ: роспись алтарной части кладбищенского храма в Рязани. В то время в Рязани жил, вернувшись из ссылки, о. Александр Андреев, тот самый, который приглашал Комаровского для росписи храма Святой Софии в Москве. Дома, в поселке Жаворонки (по Белорусской железной дороге), Комаровский сделал два акварельных рисунка: «Знамение» и «Архангел», видимо, под

впечатлением работы в Рязани. Они сохранились. А в августе 1937-го Комаровского арестовали снова, уже в пятый раз.

Жена его тяжело и давно болела, не могла вставать. Владимир Алексеевич кормил ее с ложки. Когда его уводили, Варвара Федоровна не могла подняться. Последнее, что он сказал ей и детям – их было четверо: «Молитесь Божией Матери»¹⁸.

В 1937 г. Комаровский проходил по делу «Контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников – последователей Истинно Православной Церкви». Он обвинялся также в том, что, «будучи по своим убеждениям монархистом, примкнул к контрреволюционной фашистской организации, руководимой белоэмигрантскими террористическими организациями “Национальный союз нового поколения” и “Союз младороссов”, которые ставили перед собой задачу создания новой национальной России с фашистской диктатурой»¹⁹.

Комаровский виновным себя не признал. Он заявил: «Я верующий православный человек, признающий старую Церковь никоновского направления. С политикой Советской власти имею расхождение только в вопросах религии и Церкви. Я считаю истинной христианскую религию, т.е. то, что Советская власть не признает и с чем она идейно борется».

Семье сообщили приговор: «10 лет без права переписки». Комаровский был расстрелян 5 ноября 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой. Его имя включено в справочник «За Христа пострадавшие»²⁰.

Сохранилось не так много работ этого художника. Из икон уцелела только Донская икона Божией Матери, созданная им для часовни под Измаковым. Росписи храма Святой Софии забелены, росписи храма в Рязани закрашены масляной краской. Возможно, что при реставрационных работах удастся их раскрыть. В Церковно-историческом музее Свято-Данилова монастыря в Москве находятся эскизы к некоторым росписям. Они воспроизведены в цвете в журналах «Хоругвь» и «Даниловский благовестник»²¹. Две работы Комаровского сергиевского периода есть в

Музее искусств в г. Нукусе (Каракалпакия) – «Автопортрет на красном фоне» и «Семейный портрет с детьми».

Почему же творчество Комаровского было так близко о. Павлу Флоренскому и почему он рекомендовал этого художника «Маковцу»? Художники этой группы считали главным духовность произведения. Им был близок жанр портрета: «... утонченность мироощущения, граничащая с драматизмом, позволяла им более тонко (по сравнению с бубнововалетцами. – Т.С.) очертить человеческий характер²². Художники «Маковца» стремились к символической, драматически-философской трактовке образов²³. Это было близко о. Павлу, разграничивавшему реализм и натурализм. Он писал: «Хочется потрогать рукою, когда перед нами плоский холст, – этот триумф натурализма не есть ли обман, временно удавшийся и показывающий то, чего нет на самом деле. Да и зачем возбуждать в зрителе неудовлетворимое желание взять рукою написанное яблоко, когда он может успешно проделать это с настоящим»²⁴.

Реализм сущностный, избегнувший натурализма, реализм с превалированием духовного начала, очевидно, и заметил о. Павел в работах Комаровского, сделанных в 1923–1925 годах в Сергиеве. Мне кажется, что к портрету о. Павла, созданному Комаровским, можно отнести слова Флоренского, сказанные им о ликах-изображениях святых: «...высокое духовное восхождение осиявает лицо святоносным ликом, изгоняя всю тьму, все невыраженное, недочеканенное в лице, и тогда лицо делается художественным портретом самого себя»²⁵. Здесь стоит привести и слова В.В. Розанова об о. Павле: «... мне порой кажется, что он святой: до того необыкновенен его дух, до того самобытен...»²⁶. Вот эту святость облика художник смог передать в портретах о. Павла.

Взгляды Флоренского и Комаровского на взаимоотношения живописи и иконописи совпадают: «Всякая живопись имеет целью вывести зрителя за предел чувственно воспринимаемых красок и холста в некоторую

реальность, ... икона имеет целью вывести сознание в мир духовный, показать тайные и сверхъестественные зрелища» (П. Флоренский)²⁷.

«Икона и иконопись во всем противоположны живописи как таковой, – писал Комаровский. – ... Живопись (в полном развитии своих законов) стремится к тому, чтобы дать душе и воображению возможно сильное движение к мечтательному исполнению мира сего до бесконечности»; «Каково действие иконы как таковой, т.е. как некоего образа, выраженного или, вернее, явившего себя в пластической форме? Действие ее таково же, как молитвы и, в высших выражениях, – как таинства»²⁸.

Это понимание иконы как молитвы, которая «на высших ступенях уже сама вмещает в себя первообраз, действующий через нее чудотворно», и стремился воплотить в своих работах Комаровский. Сохранившиеся эскизы росписей могут дать какое-то приблизительное представление об этом.

¹ Раиса Александровна Флоренская, Павел Александрович Флоренский во ВХУТЕМАСе и «Маковце» / Сост. М.С. Трубачева, А.О. Флоренский. Каталог выставки в Зеленограде. М., 1989. С. 19.

² Флоренский П.А. В достохвальный «Маковец» // Соч. в 4-х томах. М., 1996. Т. 2. С. 629.

³ Там же.

⁴ Сергеев В. В.А. Комаровский (1883–1937) – иконописец XX столетия; *Комаровская А.В.* Биографический очерк о В.А. Комаровском // Златоуст. 1993. № 2. С. 234–251; *Она же.* Владимир Алексеевич Комаровский // Хоругвь / Сб. статей. 1993. Вып. 1. С. 39–53; *Зеленская Г.М.* Художник Владимир Комаровский (1883–1937) // Даниловский благовестник. 1992. № 4. С. 73–84.

⁵ *Комаровская А.В.* О первых иконописных работах моего отца // Хоругвь. 1993. Вып. 3. С. 92.

⁶ *Комаровский В.А.* Письмо к о. Сергию Мечеву // Там же. С. 53–54.

⁷ *Олсуфьев Ю.А.* Буюцкий дом, каким мы его оставили 5 марта 1917 года // Наше наследие. 1994. № 31. С. 122.

⁸ В примечаниях к воспоминаниям Жегина Л.Ф. о Флоренском (П.А. Флоренский. Pro et contra. СПб, 1996) портрет ошибочно приписан брату художника Василию Комаровскому.

⁹ Дело № 31986 по обвинению Комаровского Владимира Алексеевича (Копия из архива ФСБ). Архив А.В. Комаровской.

¹⁰ *Голицын Сергей.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 221.

¹¹ Дело № Р-40940 Комаровского В.А. (Копия из архива ФСБ). Архив А.В. Комаровской.

¹² Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных / Сост. Гончаров В., Нехотин В. М., 1998. С. 70–72.

¹³ Там же. С. 69–70.

-
- ¹⁴ *Комаровский В.А.* Письмо В.Ф. Комаровской. Архив А.В. Комаровской.
- ¹⁵ *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Второй арест // П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 44.
- ¹⁶ Дело Р-35535. С. 187–189. (Копия из архива ФСБ). Архив А.В. Комаровской.
- ¹⁷ Там же. С. 98.
- ¹⁸ *Зеленская Г.М.* Художник Владимир Комаровский (1883–1937)... С. 83.
- ¹⁹ Просим освободить из тюремного заключения ... С. 187–189.
- ²⁰ За Христа пострадавшие. Гонения на русскую православную Церковь. 1917–1956. Биографический справочник. М., 1997. Кн. 1. С. 603–604.
- ²¹ Хоругвь / Сб. статей. М. № 3; Даниловский благовестник. 1992. № 4.
- ²² *Меледина М.В.* Общество московских художников (ОМХ) // Советское искусствознание. М., 1988. № 24. С. 368.
- ²³ Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия. М., 1971. Т. 3. С. 761.
- ²⁴ *Флоренский П.А.* О реализме // соч. в 4-х томах. М., 1996. Т. 2. С. 530.
- ²⁵ *Он же.* Иконостас. Там же. С. 437.
- ²⁶ *Спасовский М.М.* Розанов в последние годы своей жизни. Нью-Йорк, 1968.
- ²⁷ *Флоренский П.А.* Иконостас... С. 444.
- ²⁸ *Комаровский В.А.* Письмо к о. Сергею Мечеву. ...С. 253.

Опубл.: П.А. Флоренский. Вторые гимназические чтения 30 сентября 1999 года. Сергиев Посад. 2000.С. 50–59.